

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4415.

Четвергъ, 1го Октября, 1898 г.

№ 4415.

Г-жа Карно,
† 18-го (30-го) сентября.

„НЕ ТРОНЬ МЕНЯ“

(Noli me tangere).

Германа Зудермана.

(Продолженіе *).

Полчаса спустя я нашель Ф. въ одной изъ боковыхъ компатъ одиноко сидящаго за бутылкой краснаго вина.

Я велѣлъ принести второй стаканъ и сѣлъ противъ него.

— Будьте откровенны со мной, старый другъ,—сказаль я;—вамъ легче тогда станетъ на душѣ.

— Я самъ хотѣлъ бы этого, я имѣю вамъ нѣчто рассказать,—отвѣтилъ онъ съ рѣзкимъ смѣхомъ.

— И вы ее больше не любите?

— Кто продаетъ свою любовь, тотъ теряетъ право на любовь.

— Почему же вы постоянно такъ задумчивы?

— Потому что я хочу разрѣшить загадку.

— Какую загадку?

— Какъ мы съ ней разошлись.

— Развѣ вы этого не знаете?

— Ни малѣйшаго понятія не имѣю.

Съ изумленіемъ посмотрѣлъ я на него.

*) См. № 4411 „Одес. Нов.“.

— Слушайте же,—продолжалъ онъ.—Быть можетъ, вы въ состояніи будете пролить свѣтъ на эти потемки.—Я любилъ эту женщину—какъ вы знаете—въ теченіе двухъ лѣтъ, робко и молчаливо: и когда я, наконецъ, собрался съ мужествомъ и съ робкимъ желаніемъ приблизился къ ней, тогда дружеская улыбка и тайное пожатіе руки подали мнѣ надежду на высшее земное счастье. —Однако отношенія наши не измѣнились. И хотя ея душа была совершенно открыта для меня, хотя, оставаясь наединѣ, я иногда позволялъ себѣ скромную ласку и даже получаль отвѣтную, я все-таки былъ для нея не болѣе, какъ вѣрный и безпритязательный другъ.

Она старалась избѣгать моихъ брачныхъ плановъ, и хорошо дѣлала, такъ какъ положеніе мое тогда было таково, что не могло гарантировать намъ вдвоемъ пріятнаго существованія. Такъ прошло полтора года.

И въ это время я получилъ приглашеніе въ замокъ Экартсбургъ, о которомъ вы знаете. Въ мрачной огромной за-

лѣ, въ которой съ ранняго утра до поздней ночи топило каминъ, чтобы кисть не выпала изъ оконченнѣвшихъ рукъ и пальцевъ, стоялъ я въ теченіе нѣсколькихъ дневныхъ часовъ на высокихъ подмосткахъ, какъ бы во снѣ предаваясь творчеству и изливая свое томленіе въ смѣлыхъ, дышащихъ страстью изображеніяхъ женщинъ, увѣнчанныхъ розами, полунагихъ вакханокъ—весь милый сбродъ чувственности. И чѣмъ больше я рисоваль, тѣмъ больше воспламенялась моя фантазія, которая подъ конецъ превратилась чуть ли не въ лихорадочный бредъ. Такимъ же лихорадочнымъ бредомъ были проникнуты письма, которыя я въ долгіе зимніе вечера въ пустынной огромной комнатѣ, предназначенной мнѣ для спальни, писалъ къ своей возлюбленной. Весь пылъ,

который я болѣе года съ трудомъ сдерживаль, выступилъ, наконецъ, наружу.

Сначала я испугался той страсти, которой дышало мое письмо, и меня охватилъ страхъ, что ея расположеніе можетъ превратиться въ отвращеніе. Я хотѣлъ послать съ нарочнымъ извинительное письмо, чтобы она меня не такъ строго судила, что осмѣлившійся съ нею такъ говорить былъ не я, ея спокойный и скромный другъ, котораго она уже давно знаетъ, а безумецъ, которому изображаемая имъ вакханалия вскружили бѣдную голову. Но эти письма остались ненаписанными.

Когда получился ея первый отвѣтъ, я дрожалъ, какъ икольникъ. Но слава Богу: она не сердится. Нѣтъ, между строчками скользила лукавая улыбка, а въ заключеніи стояло даже—я видѣлъ это своими опьяненными глазами—стояло давно желанное, постоянно отказываемое „ты“.

Ф. остановился и измѣрилъ меня неодобрительнымъ взглядомъ.

— Если вы будете улыбаться этому,—сказаль онъ,—то я перестану разсказывать.

Я обѣщаль больше не дѣлать этого, и онъ продолжалъ:

— За этимъ письмомъ послѣдовало второе, третье; вскорѣ она также стала писать ежедневно. И я каждый день

† Н. А. Новосельскій.

КЪ СТОЛѢТІЮ ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ.

наблюдать съ возрастающим восторгомъ, какъ въ ея груди также сталъ разгораться огонь, какъ все чаще и чаще прорывалась, хотя и скрытая въ отрывистыхъ полумаекахъ, съ трудомъ сдерживаемая потребность любви.

Къ этому же времени подоспѣлъ художественный балъ, котораго я на этотъ разъ не могъ вмѣстѣ съ нею отпраздновать. Какъ гордо и свободно появился бы я рядомъ съ нею, ея счастливый обладатель. Но этого не могло быть.

А она писала:

„Пріѣзжай, милый, пріѣзжай! Я токую безъ тебя—пріѣзжай къ балу! Я хочю пройти по залѣ, опираясь на твою руку! Опираясь на твою руку, я хочю ее оставить, счастливая тѣмъ, что могу уйти отъ этого шума! Пріѣзжай, не шути своимъ счастьемъ!“

Я хлопнулъ себя кулакомъ по лбу. На яву я это читаю или во снѣ?

Но долгъ, долгъ! Если бы услышали, что я бросилъ начатую фреску изъ бала! Моя честь художника была поставлена на карту.

Небольшая жестокая борьба—и я отвѣтилъ ей, что никакъ не могу оставить работы.

Наступилъ день бала. Пасмурное сырое утро. Въ десять часовъ еще не совсѣмъ разсвѣло.

Тупая головная боль не оставляла меня все утро, а пальцы дрожали отъ волненія.

„Какъ! А если бы ты былъ боленъ и не могъ работать!“ восклицалъ во мнѣ духъ—искуситель; къ тому же примивъ вниманіе погоды—въ три часа ты уже долженъ будешь бросить работу и зажечь огонь.“

Меня вдругъ охватило какое-то неистовство. Я швырнулъ въ сторону свою кисть и палитру, быстро одѣлся и бросился бѣгомъ къ желѣзно-дорожной станціи. Черезъ четверть часа долженъ былъ прийти поѣздъ. Если я во время добѣгу до станціи, то поспѣю въ Берлинъ еще до начала бала.

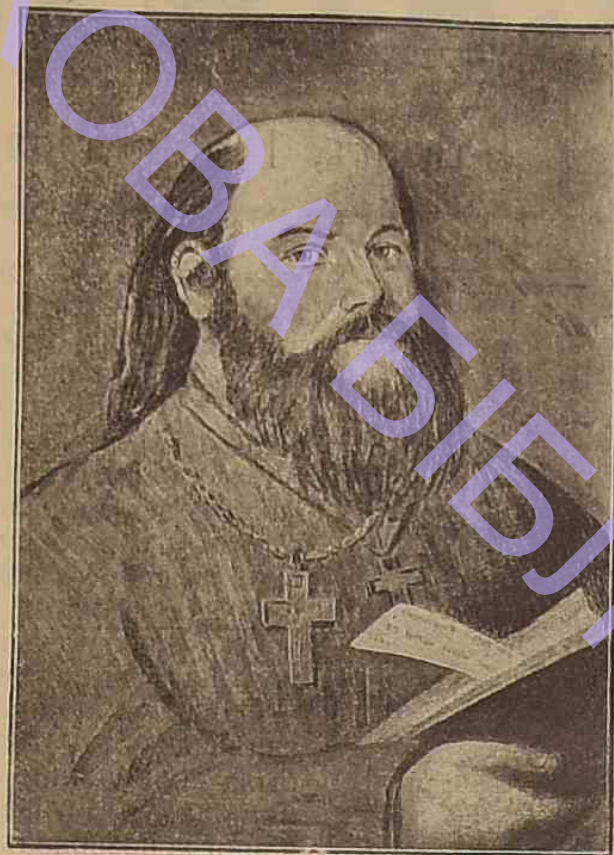
Все шло, какъ слѣдуетъ. Изъ ва-

гона я послалъ въ замокъ телеграмму, въ которой извѣщалъ о своемъ отъѣздѣ, общая завтра вернуться, хотя втайнѣ я сомнѣвался, чтобы любимая женщина такъ скоро выпустила меня изъ своихъ объятій.

Но я находился въ такомъ состояніи, что ради нея готовъ былъ пожертвовать славой, карьерой, и даже данное слово для меня въ настоящую минуту также ничего не значило.

Всю дорогу я неподвижно просидѣлъ въ углу купе, закрывъ глаза и мечтая о моментѣ нашего свиданія.

Какъ она радостно вскрикнетъ, какъ упадетъ въ мои объятія! Она, ко-

Первый настоятель Покровской церкви, протоіерей о. Теодоръ Карасевъ.
(По современному портрету).

Покровская церковь въ Одессѣ.

Старшій священ. Покровской церкви о. В. А. Флоровскій.

торая даже и не подозрѣваетъ о моемъ пріѣздѣ, которая съ неудовольствіемъ собирается на этотъ балъ и ѣдетъ туда только потому, что не имѣетъ основательнаго предлога оставаться дома.

Въ семь часовъ поѣздъ подошелъ къ дебаркадеру вокзала.

Я бросился въ первую попавшуюся дрожки—вбѣжалъ въ свою квартиру, въ теченіе десяти минутъ былъ уже въ полномъ бальномъ нарядѣ и ровно въ восемь часовъ стоялъ у дверей ея квартиры.

Пришелъ-ли я во время? Застану-ли я ее еще?

— Ваша барыня?—прошептала я.

— За туалетомъ, — отвѣтила мнѣ горничная съ лукавымъ видомъ, также

шепотомъ. Очевидно, она, поняла, въ чемъ дѣло.

Я сунулъ ей въ руку золотую монету, достаточную для того, чтобы сдѣлать ее на полчаса моей рабой.

— Но только не выдавать, милая!

— О, какъ можно, сударь!

Она взяла меня за руку, такъ какъ въ корридорѣ было темно, и повела меня на ципочкахъ въ маленькій красный салонъ—вы знаете—который находится рядомъ съ спальней Юдины.

Тамъ она меня усадила въ кресло.

— Тсс—ни одного звука!—прошептала она.

Я сдерживаю дыханіе. Сердце стучитъ, какъ будто бы хочетъ разорвать грудь на клочки.

— Ну, Густель, гдѣ же вы пропадаете?—слышу я милый давно желанный голосъ.

— Иду, сударыня.

Она быстро зажгла лампу и проскользнула черезъ боковую дверь,—да, она сдѣлала даже еще больше, эта милая малютка, она оставила эту дверь полуоткрытой, такъ что я черезъ узкую щель образовавшагося угла могъ видѣть часть сосѣдней комнаты.

Свѣча, часть зеркала—и далѣе, внизу, что-то блое, которое слегка колыхнется взадъ и впередъ—это, безъ сомнѣнія, край пудермантеля, свѣсившагося надъ стуломъ.

Затѣмъ дыханіе, я наклоняюсь въ сторону. Теперь я вижу также ея голову, убранныю цвѣтами, вижу ея затылокъ, окруженный складками воротника.

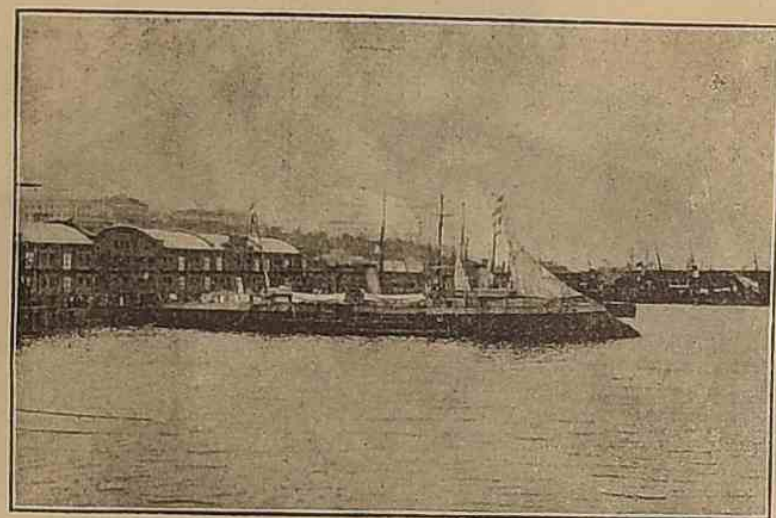
Отъ избытка волненія у меня сжимается сердце.

Кто это приходилъ,—слышу я снова ея голосъ.

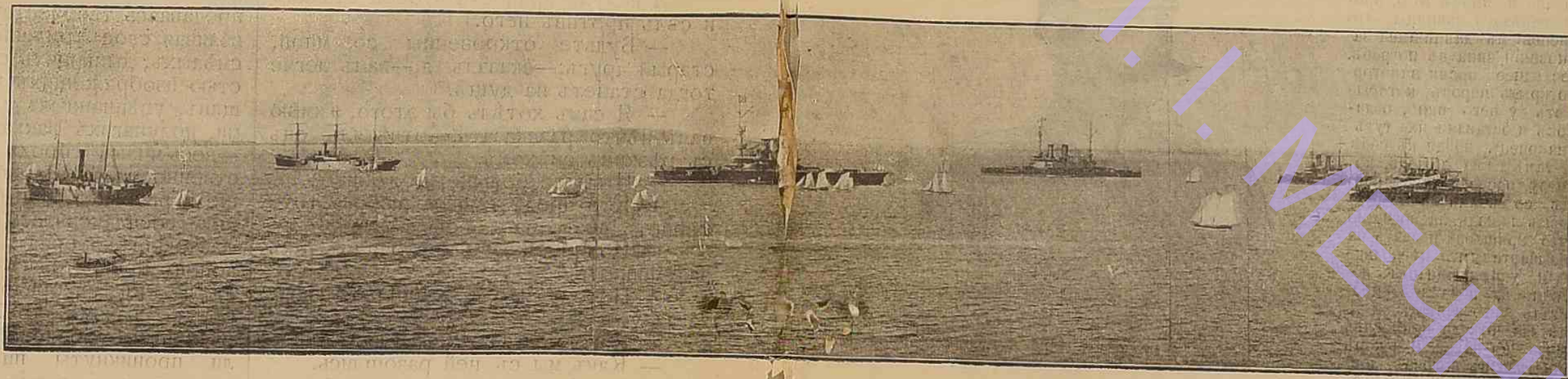
— Разносчикъ газетъ,—отвѣчаетъ плутовка хладнокровнымъ тономъ.—Онъ давеча вмѣсто «Post» оставилъ «Kuriets» и теперь хотѣлъ обмѣнять.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОСТИВШАЯ ВЪ ОДЕССѢ ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧЕРНОМОРСКАЯ ЭСКАДРА.

Минный крейсеръ «Капитанъ Санкенъ».

„Дунай“.

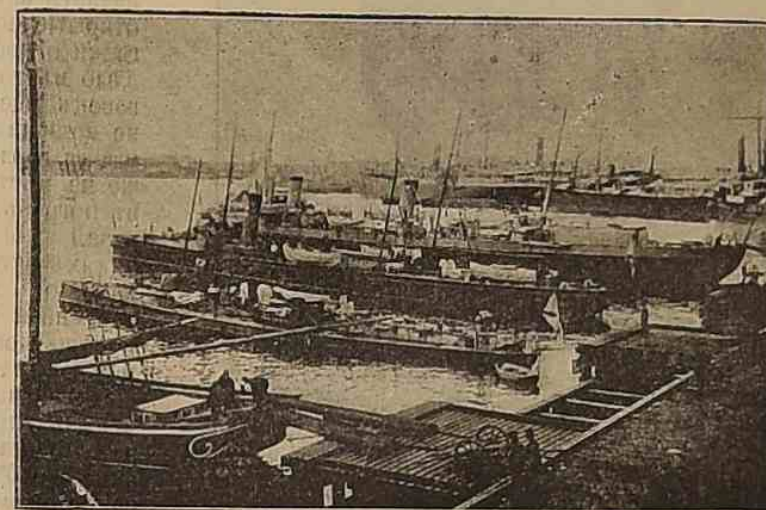
„Память Меркурія“.

„Георгій Побѣдооусецъ“.

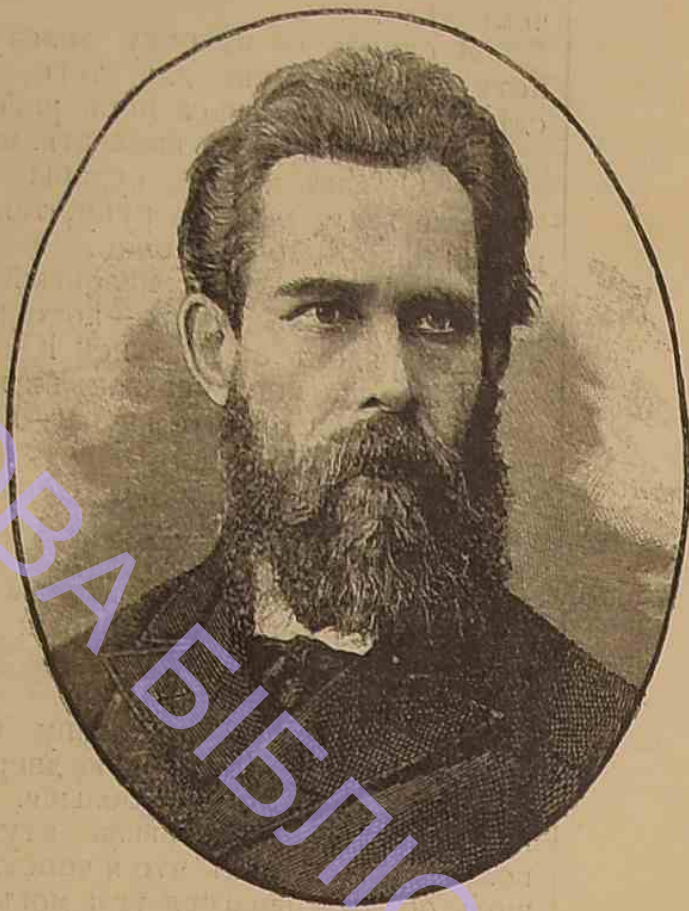
„Три Святителя“.

„Дѣвѣнадцать Апостоловъ“.

„Чесма“.

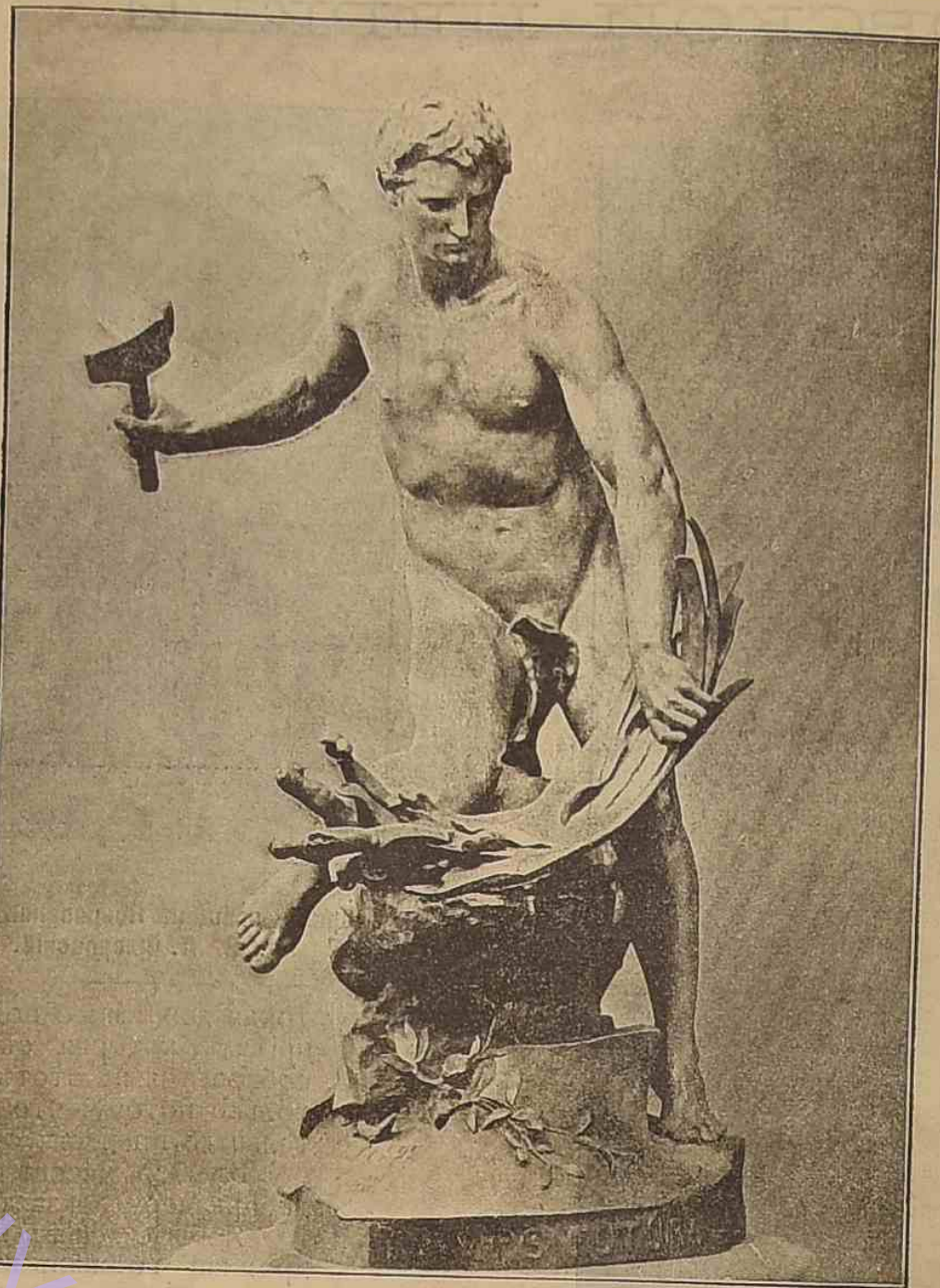
Миноисцы №№ 251, 252 и 253.

Министръ народнаго просвѣщенія,
г. с. Н. П. Боголюбъ.

БУДУЩІЯ ВРЕМЕНА.

Волнующая въ настоящее время идея о разоруженіи, поставленная на очередь по инициативѣ Государя Императора Николая II, вдохновила французскаго художника Бэлло, который символизируетъ ее въ очень оригинальной формѣ. Въ статуѣ подь заглавіемъ «Будущія времена» художникъ изображаетъ здороваго, крѣпкаго мастера, который превращаетъ въ плуги убійственныя орудія, безполезныя для умиротворенныхъ народовъ.

Разоруженіе — «Я переную мечи въ сошники».

Скульптура Ж. Бэлло (По поводу ноты 12-го августа).

Разныя разности.

Лошадь-алкоголичка. Недавно пожарные саперы изъ Вильеттскаго поста въ Парижѣ были вынуждены однимъ виноторговцемъ для извлеченія изъ погреба его лошади, которая на самомъ днѣ лежала на боку въ какомъ-то полумертвомъ состояніи. Призванный затѣмъ къ лошади ветеринаръ, ко всеобщему удивленію, объявилъ, что лошадь просто мертвецки пьяна и, кромѣ того, проявляетъ всѣ признаки закоренѣлаго пьяницы. Это открытіе послужило объясненіемъ давнишней загадки относительно исчезновенія вина въ погребѣ. Дѣло въ томъ, что за послѣднее время виноторговецъ тщетно старался открыть воровъ, которые не похищаютъ, а выпиваютъ у него вино, обламывая горлышки у бутылокъ и оставляя ихъ тутъ же на мѣстѣ. И вотъ, наконецъ, войдя къ себѣ въ погребъ, онъ засталъ тамъ свою лошадь, которая валялась тамъ на полу посреди массы разбитыхъ бутылокъ. Вместе со своими помощниками, онъ пытался поставить лошадь на ноги, но она снова падала, такъ что пришлось позвать на помощь пожарныхъ. Оказывается, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, для укрѣпленія силъ лошади ей поливали овесъ виномъ, а затѣмъ рабочій для упрощенія дѣла сталъ вино вливать ей въ ротъ. Умная лошадь подмѣтила, откуда приносятъ вино, которое ей пришлось по вкусу, и вскорѣ самостоятельно стала забираться въ погребъ, ловко отодвигая зубами задвижку двери. Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ она успѣшно опустошала погребъ своего хозяина, пока, наконецъ, не выпила вина въ такомъ чрезвычайномъ количествѣ, что не могла выбраться изъ погреба.

Г-жа Помье,
жена депутата, стрѣлявшая въ журналиста Оливье.

Полковникъ Шварцкопфенъ,
бывшій германскій военный атташе въ Парижѣ.